

МИРЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Белград – Москва
2011

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А.С. ПУШКИНА
МЕМОРИАЛЬНАЯ КВАРТИРА АНДРЕЯ БЕЛОГО

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства
науки Республики Сербии

Редактор:
проф. д-р Александра Вранеш

Редакторы-составители:
проф. д-р Корнелия Ичин и д-р Моника Спивак

Составители:
Иоанна Делекторская и Елена Наседкина

Художественное оформление обложки:
Анна Неделькович

Рецензенты:
проф. д-р Таня Попович
проф. д-р Михаил Вайскопф

ISBN 978-86-6153-018-0

Тираж 500 экз.

Издательство филологического факультета в Белграде
11000 Београд, Студентски трг 3, Република Србија

Подготовлено к печати и отпечатано в типографии
„Graficar“, 31205 Севојно, Горјани бб, Република Србија

ЛЕКЦИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ЖЕЗЛ ААРОНА»

Предисловие, публикация и примечания
Е.В. Глухой (Москва)

Статье Андрея Белого «Жезл Аарона», напечатанной в первом сборнике «Скифов»¹, предшествовала лекция с тем же названием. Наброски лекции сохранились и совпадают с напечатанным в «Скифах» вариантом лишь частично. «Жезл Аарона» одновременно посвящен обновлению языка и обновлению способов понимания поэзии. Он представляет собой результат постоянных стиховедческих занятий Белого. Об интересе к литературоведению свидетельствует, например, то, что, вернувшись в сентябре 1916 г. из Дорнаха в Россию после нескольких лет отсутствия, Белый знакомится с положением дел в этой области: в записях в «Ракурсе к дневнику» за ноябрь 1916 г. он отмечал: «перечитываю появившуюся без меня стиховедческую литературу (Шульговский, Гинцбург, Бобров, Божидар и т.д.)»².

Направления его собственной работы – это анализ образности и поэтического тезауруса, а также исследования ритма. В июле 1916 г. в «Биржевых ведомостях» была опубликована его статья «Пушкин, Тютчев, Баратынский в зрительном восприятии природы»³, – это был результат работы над семантическим тезаурусом поэтической лексики⁴, начатой еще в период подготовки книги «Символизм» и продол-

¹ Андрей Белый. Жезл Аарона // Скифы. Вып. 1. Пг., 1917. С. 155–212; перепечатана в кн.: Семиотика и авангард: Антология / Ред.-сост. Ю.С. Степанов, Н.А. Фатеева, В.В. Фещенко, Н.С. Сироткин; под общ. ред. Ю.С. Степанова. М., 2006. С. 376–426.

² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 162.

³ Андрей Белый. Пушкин, Тютчев, Баратынский в зрительном восприятии природы // Биржевые ведомости. 1916. 26 июля.

⁴ Более подробно – в работе: Митрошкин В.Ю. Андрей Белый – исследователь поэтической лексики // Блоковский сборник VI: А. Блок и его окружение. Тарту, 1985. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 680). С. 93–100.

женной затем в «Кружке экспериментальной эстетики»⁵ (так на самом деле называлось объединение, за которым впоследствии закрепилось название «ритмический кружок»⁶). Работа над лирикой Баратынского, Тютчева и Пушкина велась и в Швейцарии (о чем свидетельствует К.Н. Бугаева⁷); там не прекращались и вычисления ритма: «с 1912 года до 1917 года, т.е. целых 5 лет я внимательно проверял развиваемый тезис мой; и не менее пятидесяти стихотворений предлагаемым способом разобраны мною; <...> лишь до 20 стихотворений, разобранных предлагаемым способом, сохранились в Швейцарии мной (где приходилось мне работать в 1914, 1915, 1916 годах)»⁸.

Другое направление работы над анализом стиха было связано с изучением лирики Блока: из записей о декабре 1916 г. в «Ракурсе к дневнику» следует, что Белый приступил к работе над блоковской трилогией: «Внимательно изучаю эпитеты и образы 3-х томов Блока; пишу статью «Блок». Много работаю над ритмом (на тему «ритмический жест»).<...> Продолжаю разрабатывать тему «инструментовка у Блока»; собираю ворохи материалов на эту тему»⁹. Статью «Поэзия Блока» Белый сдал в «Русские ведомости» еще в январе 1917 г., но редактор газеты А.А. Мануйлов так и не решился ее опубликовать, и она вышла в том же году в сборнике «Ветвь»¹⁰.

Сразу после написания статьи о лирике Блока Белый, продолжая разрабатывать тему «кризиса слова», решает выступить с лекцией «Жезл Аарона: О поэтическом слове», которая была им прочитана

⁵ См., например, материалы в: ОР РГБ. Ф. 25. К. 2. Ед. хр. 16. Л. 34-38, 54об; ср.: Недоброво Н. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге // Труды и дни. 1912. № 2. С. 26.

⁶ См. его протоколы: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 337.

⁷ Бугаева К.Н. Андрей Белый. Летопись жизни и творчества // РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 107. Л. 86.

⁸ Андрей Белый. О непрерывной кривой // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 16.

⁹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 163–164. Ср. также в записях «Жизнь без Аси» о 1 – 9 декабря 1916 г.: «Работа над первым томом стихов»; 16 – 20 декабря: «Работа над собиранием материала статьи о Блоке. Писание статьи» (ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 2).

¹⁰ В РГАЛИ сохранились гранки первой части статьи и рукописный беловой вариант второй части; обе части в окончательной редакции сб. «Ветвь» поменялись местами. О перипетиях с публикацией статьи Белый упоминает в письмах к Иванову-Разумнику (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступит. ст. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада; подгот. текста Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 1998. С. 100–101).

24 января в Малом зале Московской консерватории. Текст лекции, судя по записям «Жизнь без Аси»¹¹, он писал с 17 по 24 января. Эта рукопись сохранилась в ОР РГБ; автор пользовался ею при написании статьи «Жезл Аарона» (несмотря на существенную переработку, совпадения между статьей и лекцией все же значительны). Черновики собственно статьи «Жезл Аарона» не сохранились¹².

Вскоре после публичной лекции, 23 января 1917 г., Иванов-Разумник предлагает напечатать статью в редактировавшемся им сборнике «Скифы»: «<...> имею возможность немедленно напечатать, с авансом гонорара, лекцию Вашу «Жезл Аарона», – если статья эта уже заранее не обещана Вами кому-либо и куда-либо. Если даже и обещана целиком в журнал или сборник – пришлите отрывки на 2-3 фельетона»¹³. Предложение Белый принял сразу, в ответном письме от 26 января он сообщал: «<...> с благодарностью принимаю Ваше любезное предложение устроить статью мою «Жезл Аарона», если только он, этот жезл, будет напечатан ранее лета, ибо он входит в книгу мою «Кризис сознания», которая появится летом или к осени. Мне только надо будет записать 2-ую часть и все это переписать»¹⁴. Вскоре Белый перебрался к Иванову-Разумнику, у которого гостил с 31 января по 8 марта; там же он закончил вторую часть статьи и переработал лекционную часть. В записях «Жизнь без Аси» Белый отмечал: «1 – 6 февраля: Работаю над «Жезлом Аарона»»; то же самое 8 – 11 февраля, а 13 – 16 февраля: «Оканчиваю «Жезл Аарона»».

Вместе с черновиком лекции сохранились два варианта плана сочинения (или наброска печатной программки лекции) – «чистый», белой вариант, и черновой, сильно правленный (оба варианта представлены в публикации ниже); их содержание чаще совпадает со статьей, а не с наброском лекции. Например, рукопись черновика лекции вполне соответствует лишь первому абзацу программы, и то не полностью: «Слово. Корень и смысл. Грамматика и логика. Поэтика и этика. Миф». Реконструируя выступление, можно предположить, что во второй части Белый собирался говорить о стиховедческом анализе (в черновике лекции нет этой части) и использовал, в том числе,

¹¹ ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 1.

¹² По сообщению А.В. Лаврова, черновик статьи «Жезл Аарона», хранившийся в личном архиве Иванова-Разумника, пропал во время Великой Отечественной войны.

¹³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 92.

¹⁴ Там же. С. 93.

статистические материалы по поэзии XIX века, созданные в период «Кружка экспериментальной эстетики».

Сохранившийся газетный отзыв на выступление позволяет в общих чертах реконструировать содержание лекции и то, что вторая ее часть, которая не была написана, на самом деле представляла наибольший интерес для Белого-стиховеда. Вот что писал анонимный рецензент в газете «Русские ведомости» от 25 января 1917 г.:

««Жезл Аарона» – под таким заглавием Андрей Белый прочел вчера публичную лекцию, облеченную в своеобразную форму. Жезл Аарона – некогда живое, потом засохшее слово, но которое еще должно в грядущем прорасти прекрасными цветами. Эта тема о распаде поэтического слова и об его воскресении и новой мощи – одна из самых дорогих А. Белому. Истинный пафос А. Белого принадлежит внутреннему, *еще не рожденному слову, которое* – в душе избранных-поэтов. <...> Во вчерашней лекции, – с первой своей части – строго систематической, во второй – носившей характер импровизации, – тема была показана в очень широких контурах. <...> Главное содержание второй, так сказать, примерной части лекции, заключалось в страстном опровержении этого заблуждения. Стихотворение – живой организм. И все его части – не в случайном соединении, но в прочной внутренней связи».

Сохранились воспоминания М.Н. Жемчужниковой, которая впервые увидела Андрея Белого на лекции «Жезл Аарона»:

«Появилась афиша: Андрей Белый читает лекцию «Жезл Аарона». В программе <...> говорилось лишь, что лектор расскажет о новом, им разработанном методе анализа стихосложения, помогающем уяснить поэтический смысл стиха. <...> Лекция была блестяща, увлекательна, по-новому открывала поэзию стиха. Мы обе [М.Н. Жемчужникова и ее подруга Н.Д. Вольпин – Е.Г.] были в восторге и от лекции, и от лектора. Но многое, особенно по части техники нового метода, оставалось неясным. И мы решили написать А. Белому письмо с просьбой указать, где можно узнать подробней об этом методе. Обратный адрес указали мой. И через несколько дней – звонок. Горничная докладывает: «Вас, барышня, спрашивают». Выхожу – Боже! Андрей Белый, сам, самолично»¹⁵.

Письмо к Белому было отправлено 23 апреля 1917 г., оно сохранилось в составе фонда Белого в ОР РГБ¹⁶:

¹⁵ Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. М., 1992. С. 13.

¹⁶ Ф. 25. К. 15. Ед. хр. 12. Л. 1-2 об.

«Многоуважаемый Борис Николаевич!

Извиняюсь за мою бесцеремонность: я пишу Вам письмо и надеюсь получить ответ, не имея на это никакого права, за исключением одного: искреннего желания знать и невозможности добиться этого каким-либо другим путем. Дело вот в чем: я слышала Вашу лекцию о слове (жезл Ааронов), которая меня в высшей степени заинтересовала. Кое-чего я не поняла, но то, что я поняла, было очень ново и увлекательно. В частности, меня поразила идея о подсознательной жизни слов и о возможности исследовать эту жизнь с помощью математики: рисовать кривую ритма. Мне захотелось самой сделать опыты в этом направлении, но, к сожалению, я не поняла самого способа нахождения этой кривой. Откуда получается этот ряд цифр, служащих координатами разным точкам этой кривой? Я тогда же решила написать Вам письмо с просьбой хотя бы в самых кратких чертах указать мне Ваш метод исследования ритма. Но только третьего дня мне удалось, наконец, узнать Ваш адрес. Я все-таки надеюсь, что Вы найдете хотя бы 5 минут, чтобы исполнить мою просьбу. Ведь Вам это так просто сделать, а я буду Вам очень и очень благодарна. Еще раз извиняюсь за беспокойство.

Уважающая Вас

Мария Ник. Жемчужникова».

Таким образом, вторая часть лекции была посвящена анализу ритмических кривых лирики Пушкина, Тютчева и Баратынского, так впечатлившему Жемчужникову. После выступления о кривой Баранова-Рема в «Обществе ревнителей художественного слова» в Петербурге 28 января 1912 г.¹⁷ Белый впервые говорил публично об этом методе разбора стиха, над которым работал уже на протяжении нескольких лет. Едва закончив статью «Жезл Аарона», он принялся за трактат «О ритмическом жесте»¹⁸. Эта работа, как и «Жезл Аарона», была им написана в Петрограде во второй половине февраля и в марте 1917 г. После этого Белый выступает в Москве с докладом для узкого антропософского круга – в записях «Жизнь без Аси» чтение датировано 10 мая 1917 г.: «Мой доклад у Григоровых «Теория знания Штейнера и ритм» (говорю четыре часа)». Об этом выступлении вспоминала М.Н. Жемчужникова:

«Доклад был как откровение. Для меня это был вход в мир поэзии. Я почувствовала – до чего мое отношение к стихам до сих пор

¹⁷ См. о нем отчет Н.В. Недоброво (*Недоброво Н.* Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 25).

¹⁸ См., например, «Жизнь без Аси».

было просто ребяческим. Теперь этот мир ожил, заговорил, затанцевал – и тютчевский «Фонтан», и пушкинское «Я помню чудное мгновенье», и лермонтовская «Русалка», и другие... Распахнулись жесткие створки стихотворных форм и ожили высокие «Поэтические Смыслы». Живые танцующие образы двигались вокруг тоже танцующей фигуры лектора, слетали с его жестикулирующих рук, звучали в произносимых им стихах»¹⁹.

Летом 1917 г. Белый выступал с лекцией «Поэзия слова», которая, как можно судить по сохранившимся программе²⁰ и плакату²¹, была переработанным «Жезлом Аарона» – с тем же сочетанием революционного призыва к обновлению слова и деталями стиховедческого анализа, среди которых особенно акцентирована звукопись (ведь с конца лета Белый будет работать над «Глоссолалией»):

Дом свободного искусства.
В белом зале Эрмитажа (Трубная площадь)

В субботу 9/22 июня

Лекция Андрея Белого
Поэзия слова

- Слово, как дыхание жизни
- Слово, как звук мысли
- Будущее языков: их всемирное братство
- Межпланетное братство словесного смысла

Начало в 7 ч. вечера. Билеты от 2 р. до 5 р., входные по 1 руб. продаются в Центрокассе (Петровка, 1), и в день лекции при входе в зал.

¹⁹ Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе. С. 15.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 14. Л. 6.

²¹ ОР РГБ. Ф. 25. К. 6. Ед. хр. 25.

В субботу 9/22 июня
В Белом зале Эрмитажа

Лекция
Андрея Белого

Поэзия слова

Программа.

Смысл слова.

Слово, как дыхание жизни; слово, как звук мысли.

Дыхание, звук, образ, мысль; ритм, корень, метафора, метонимия; абстрактное и конкретное слово; грамматика, логика и эстетика.

Логика слова.

Гласные и согласные. Звучный смысл.

Будущее языков: их всемирное братство.

Межпланетное братство словесного смысла.

На оборотной стороне программки²² сохранилась забавная записка Белому:

«Андрей Белый слышал слова близок *душе* очень близок хочу перемножить звучания хочу «слышать» без слов

У Вас могу быть?

Надежда Александровна Смирнова давно хочет познакомить но уехала

Подхожу внешне сам теперь

Футурист Азра».

Полемика против футуризма как литературного направления (и, косвенно, против вытекающего из него формального литературоведения, которое разрабатывалось ОПОЯЗом) очевидна в тексте «Жез-

²² ОР РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 14. Л. 6 об.

ла Аарона»; вернувшись в Россию после долгого отсутствия, Белый застал футуризм уже как массовую моду²³. Другое направление теоретико-литературной мысли, которое учитывает Белый в «Жезле Аарона», менее заметно, но все же прослеживается, – а как свидетельствует программа, первоначально должно было занять в лекции большое место. Это концепция слова Вячеслава Иванова, хотя его имя ни в лекции, ни в программе открыто не упоминается. Главка «Филолог, философ, словесник», которой заканчивается рукопись лекции, открывала дискуссию с Ивановым. Обращает на себя внимание часть лекции, так и не написанная, но обозначенная в программе, в которой Белый собирался говорить о двух типах искусства – «символическом» (этап восхождения) и «реалистическом» (этап нисхождения). Вероятно, Белый намеревался рассматривать теорию творчества Вяч. Иванова, как она представлена, например, в статьях 1909–1910 гг. («Символика эстетических начал». «Две стихии в современном символизме»), а позднее в сборнике «Борозды и межи» (М.: Музагет, 1916) в разделе «Искусство и символизм».²⁴ В терминах «восхождения и нисхождения» Иванов трактовал в рецензии на «Пепел» и творчество самого Белого:

«Внутреннее освобождение поэта совершилось чрез его перевоплощение во внеличную действительность, чрез сораспятие с ней, чрез нисхождение к этой ближайшей, непосредственно данной реальности, а не восхождение до высшей и отдаленнейшей»²⁵.

Тема «Ганимед и орел», заявленная в программе, также восходит к Иванову, к его стихотворению «Ганимед»²⁶, подвергнутому Белым теоретическому осмыслению²⁷. Процесс осознания смысла творче-

²³ 16 ноября 1917 г. Иванов-Разумник с некоторым недоумением сообщал Белому, что того разыскивал «некий Петников» (довольно известный футурист, участник группы «Лирень»). См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 143.

²⁴ Иванов В.И. По звездам; Борозды и межи / Вступ. ст., сост., примеч. В.В. Сапова. М., 2007.

²⁵ См. у Белого о нем: *Андрей Белый*. Вячеслав Иванов // Андрей Белый. Поэзия слова. Пб., 1922. С. 91.

²⁶ См. у Белого о нем: *Андрей Белый*. Вячеслав Иванов // Андрей Белый. Поэзия слова. Пб., 1922. С. 91.

²⁷ Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности // Андрей Белый. Собр. соч.: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В.М. Пискунова; Сост., коммент. и послесл. И.Н. Лагутиной. М., 2000. С. 165–167. Ср.: Андрей Белый. Глоссология. Берлин, 1922. С. 70

ства и познания смысла поэтического текста во многом шел параллельно у Андрея Белого и Вячеслава Иванова; это, безусловно, отдельная тема, но нам хотелось бы обозначить некоторые точки соприкосновения.

В ОР РГБ сохранились плохо читаемые и недатированные карандашные наброски Вяч. Иванова о смысловой структуре стиха: «На стих я смотрю как на приблизительное, но как на единственно адекватное изображение внутреннего опыта. <...> Стих не есть только ритмическое и музыкальное словесное облачение независимо от формы <...>. Его тело неизобразимо без его души»²⁸. Эти заметки напоминают размышления Белого о природе поэтического слова. «Душа» стихотворения, как она виделась Белому, опознавалась им как в процессе собственно стиховедческого анализа (поиск эвфонических структур, ритмический и семантический анализ), так и в процессе медитативной практики, три ступени которой – созерцание образов (имагинация), затем преодоление образов и вскрытие духовной сущности объекта (инспирация), и, наконец, наивысшая форма целостного восприятия (интуиция). Эти три ступени развития духовного зрения, по Штейнеру²⁹, Белый в статье «О смысле познания», написанной незадолго до «Жезла Аарона» и изданной вместе со стиховедческими работами, трактовал как три ступени познавательного акта³⁰. Скорее всего, об антропософских путях интерпретации текста в публичной лекции «Жезл Аарона» не было речи; но понятно, что для более узкого, антропософского круга стиховедческий анализ Белого сопрягался с процессом имагинации – инспирации – интуиции. Именно чтение толкования Штейнером звуков начала Библии приводит Белого летом 1917 г. к решительной перемене в анализе лирики Блока и далее, от изучения аллитерации в стихотворении к изучению звука как мистической общеязыковой универсалии и к попыткам построения сверхязыковой общности в «Глоссолалии»³¹. Так и в «Жезле Аарона» говорится в том числе и об антропософском пути проникновения в смысл поэтического произведения. Возможно, именно это было настоящей причиной неодобрения, высказанного Вяч. Ивановым в ста-

²⁸ НИИОР РГБ. Ф. 109. К.5. Ед. хр. 43. Л.1.

²⁹ См., например: *Штейнер Р.* Очерк тайноведения. Ереван, 1992. С. 203–226.

³⁰ *Андрей Белый.* О смысле познания // Андрей Белый. Поэзия слова.

³¹ См., например, в «Ракурсе к дневнику» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 88об, 162).

ть 1924 г. «О новейших теоретических исканиях в области художественного слова»: «смещение интуиции и анализа, дискурсивности и импрессионизма в методе исследования и описания, вместе с причудливостью языка и слога, делают замечательную статью во многих ее частях неудобно-вразумительной»³². Между тем, Иванов внимательно присматривался к выступлениям Белого. Известен, например, его конспект лекции Андрея Белого «Живое слово», прочитанной по просьбе Иванова в Пушкинском семинарии весной 1919 г.³³

*

Сохранившаяся рукопись лекции «Жезл Аарона» содержит следы по крайней мере двух правок. Первая правка выполнялась в процессе написания – это тип «стилистической правки»; вторую можно обозначить как смысловую, она возникает при перечитывании написанного текста. Судя по почерку и типу бумаги, лекция была написана в два этапа. Всего в рукописи 39 листов, исписанных с одной стороны. До листа 20 почерк неровный, правка густая, так что одна через другую просвечивают две редакции. Затем следуют еще 19 страниц относительно чистого текста, написанного крупным «беловым» почерком: правка на этой части карандашная, редкая, иногда попадаются чернильные вставки, стилистические, которые осуществлялись в процессе работы, а не при перечитывании написанного. Нам показалось возможным отделить две версии редакции текста лекции: первую, сырую, но при этом ясно представляющую исходные размышления автора, и вторую, чаще совпадающую со статьей «Жезл Аарона». Ниже публикуется первая редакция.

³² *Иванов Вяч.* О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // *Иванов В.И. Собрание сочинений: В 4 т. Т. IV.* С. 634. Хотя, конечно, Иванов говорит об «интуиции» не в специфически антропософском смысле.

³³ *Глухова Е.В.* Конспект Вячеслава Иванова к лекции Андрея Белого из цикла «Теория художественного слова» // *Русская литература.* 2006. № 3. С. 135–147.

Андрей Белый

**<ПЛАН ЛЕКЦИИ>
ЖЕЗЛ ААРОНА¹**

Слово.

Корень и смысл. Грамматика и Логика. Поэтика и Этика. Слово живое и слово немое. Поэт и слово (Баратынский, Тютчев, Пушкин).

Цвет слова. Звук слова.

Теории² художественного творчества<> взятые относительно слова. Теория восхождения слова (прорастание слова смысловыми цветами). Символизм³.

Теория нисхождения (обрастание слова землею). Реализм.

Звуки слов прорастают как Жезл Аарона (Корни слов. Цветы слов. Пчелы и черви). Прорастание в нас «я» поэта. Ганимед и орел (сущность восторга). Поэт и его тень. Трагедия творчества.

¹ Материалы к лекции. РО РГБ. Ф. 25. К. 3. Ед. хр. 9. Л. 1–38. Реконструкция первого слоя текста (первый набросок лекции).

Подчеркивание Белого передается курсивом (в заголовках – полужирным курсивом). В квадратных скобках [] даны фрагменты, зачеркнутые Белым. В угловых <> знаки препинания, которые нужно вставить. Угловыми скобками помечены и раскрытые сокращения, и некоторые слова, вставленные для связности текста. В угловых скобках с вопросительным знаком слова, читающиеся гипотетически. Орфография некоторых слов («аккомпанимент», «аккомпонимент», «диллетантизм») исправлена без пометок. Также без пометок убраны имеющиеся в рукописи знаки препинания, которые по современным правилам надо удалить.

² В рукописи: *теория*.

³ В рукописи скобка закрывается после «Символизм».

Имагинация и инспирация слова.

Кризис словесной имагинации в свете грядущей инспирации слова⁴.

ЖЕЗЛ ААРОНА

1.

Слово

Некогда все слова были значимы; то есть: были со смыслом; реализм слова – в смысле; смысл же слова не связан с предметностью внешнего мира; смысл есть предмет<, > не ощущаемый пальцами, не имеющий цвета, не имеющий звука, безвкусный; он – предмет *sui generis*. Слово<, > взятое безотносительно к этому своему *sui generis* живому предмету<, > бессмысленно, не реально и пусто; если даже ему соответствует материальный предмет, все равно: оно – пусто; таковыми нам стали слова, обозначающие группы терминов и потерявшие первоначальные четкие индивидуальные значимости; эти слова не суть термины в точном смысле; в то же время они утратили свой смысл: стали черпать его в сумме терминов, которые яко-

⁴ На обороте листа 33 об. сохранился еще один набросок плана лекции (в квадратные скобки взято зачеркнутое Белым, в угловые вписанное над строкой):

Жезл Аарона.

(О поэтическом слове).

Содержание.

[Слово живое и слово немое]

Слово. [Смысл. Образ. Термин. Эпитет. Метафора. Мирозв.] Корень и смысл. Грамматика и логика. Поэтика и этика. Миф. Слово живое и слово немое. Мирощущенье [эпитетов и метафор] поэта и слово [у]. Баратынск[ого]ий, Тютчев[а], Пушкин[а] [Познание или]

Цвет слова. Звук слова.

Теории художественного творчества взятые относительно слова. Теория восхождения: [романтизм] слова (прорастание слова смысловыми цветами [смыслами]: символизм).

Теория нисхождения ([прорастание] обрастание слова землей: реализм).

[Теургия]. Звуковой анализ. Внимание к звукам слов. [Они] прорастают, как Жезл Аарона (Корни слов. Цветы слов. Пчелы и черви). <Прорастанье в них «Я» поэта>.

Поэт и его тень. Трагедия творчества. Ганимед и орел.

Имагинация и инспирация слов. Кризис словесной имагинации в свете [слов] грядущей инспирации слова.

бы они покрывают, чистота таких слов определяется опустошением в них когда-то жившего конкретного смысла; у очень многих слова вообще пусты: одновременно они далеки от чеканной ясности до конца логической значимости и от первичной мифичности образа; термины – философские рифмы; терминология – поэзия логики; терминологи⁵ суть поэты; большинство писателей пишет прозой, не способной возвыситься до поэзии философии, не способной возвыситься до поэзии собственно, потому что чистая поэзия слова дышит смыслами громаднейшей философемы, не только начертанной на скрижалях иного сознания; обыденная философия проявляет себя паническим страхом к метафоре; обыденная поэзия этого ходящего⁶ слова проявляет страх перед критическим смыслом; обыденная наша речь уже давно потеряла свой смысл; и обыденное слово<, > в то время как думаем мы, что оно полно содержанием, бессодержательно<, > пусто; его⁷ смысл – в механическом повторении *звука слова, в именовании*, некогда искусственно составленных слов<, > выражавших собою логический смысл; но та логика, логика здравого смысла давно перестала быть в логике собственно; *логики*, соответствующей нашему здравомыслию нет; логики революционной, потому что логика собственно почитает в той стране, о которой нет у нас конкретного представления; наша речь <—> речь *осмысленная*, противопоставляющая себя неосмысленной, поэтической, живой речи; эта речь<, > будучи поэтически нищенской<, > пребывает логически неосмысленной. Здравый смысл нашей речи бессмыслен для смысла живого и смысла логического: вместо этих, противопоставленных друг другу смыслов перед нами звук искусственно составленной словесности<, > где все слова оканчиваются на «*сть*» или «*изм*» (*реализм, мистицизм; религиозно-сть, логично-сть*). Слова эти далеки от рассудочной, критической ясности и живого образа<, > полного красок и звуков: мышление при помощи этих слов сводится к произнесению мнений; к наименованию слов, намекающих на какой-то смутный процесс, будто бы логический, а на самом деле слепо ассоциативный; произнеся звуки слов<, > мы вызываем друг в друге ассоциации; предполагаем, что ассоциации эти протекают в нас сообразно одним и тем же *ни логическим, ни поэтическим* принципам; если бы мы анализировали в себе, что встает пе-

⁵ Вместо «терминологи» сначала было: *методологи*.

⁶ Так.

⁷ В рукописи: *ее*.

ред нами, как смысл произнесенного звука слова<,>⁸ мы нащупали бы в себе какое-нибудь популярное *мнение*, некогда прочитанное и усвоенное, или услышанное в разговоре; произнося звуки слова мысли: *субстанциональность*<,> «реальность»<,> предполагаем мы в собеседнике, что и в нем протечет этот смутный процесс quasi мысли, главным образом протекающий как припоминание где-то слышанного; думая, что субстанциональность значит то-то и то-то, предполагаем мы в сущности, что под субстанцией разумел Герберт Спенсер, которого мы никогда не читали, но которого мнение было высказано в популярные книги⁹, с которыми мы имели дело когда-то. Между тем собеседник наш Спенсера не читал, но читал, скажем<,> Вундта; субстанциональность вызывает в нем смутный процесс припоминания иных прочитанных книг; возникает спор; и побеждает в споре мнение большинства; силою, а не логикой решается спорное мнение.

Мышление наших дней главным образом в *именовании*; в произнесении *слова*; воспринимаемого абстрактно и некритично; это абстрактное, некритичное *слово* есть мышление, а смутный процесс, происходящий в нас слепо<,> есть наделение слова смыслом, который мы называем *здравым, разумным*; но наш *разум*, и наделение смыслом слова – ассоциативная *отрыжка* сознания <→ именуется «*здравым смыслом*».

Слово-термин и *слово-образ* со своим *критическим* и *поэтическим* смыслом одинаково выдавил здравый смысл словесности наших дней; конструкция нашей речи напоминает нам сухие, трескучие жерди, которые мы обламываем, насилуя смыслы слов, превращая в палочные удары сентенций; наше слово *сухой*, мертвый *жезл*, не проросший цветами; некогда был он мудрым, живым, звучным, образным, изменяющим свои очертания.

Первоначально живое слово, народное слово<,>¹⁰ весь смысл которого лежал внутри корней слова, так что этот корень эластически принимал многообразие очертаний и жестов в приставках и окончаниях; <он> напоминал нам *змею*, живущую своей внутренне-логической

⁸ В рукописи точка с запятой.

⁹ Так.

¹⁰ В рукописи точка с запятой.

жизнью и не явленную¹¹ абстракциям мысли; эти абстракции мысли покрыли позднее жизнь слова собственно деревянною корою недвижности; превращение слова <->змеи в сухой жезл есть насилье над словом; этот жезл, это слово в руках наших может опять превратиться в жалящую нас змею: восстанья в ней звука над смыслом;¹² или же может оно произвести благоуханные лилией мысли, как Жезл Ааронов.

Корень и смысл

Возникновение слова, как звукоподражания; теория слова Потемни¹³; человек, окруженный пространствами, переживал громом; Слово есть щит от природы, в нем – защита от ужаса потрясения нас стихией; воссоздавание грома «гrrrr» есть защита от грома; корни слов суть результаты; они одновременно: выражение внутреннего мира, не имеющего звукового образа; самый образ есть первый образ, соединяющей две действительности: природную и душевную;<;> в звуковом образе, в слове уж дано соединенье миров; можно сказать, что соединение тела и духа в том, что и тело, и дух – есть слово. В этом смысле Слово – душа, неразложимое единство двух данных действительности: действительность вне меня протекающих образов и безобразной глубины¹⁴ моего потерянного духа<;> оказавшегося вне себя в условиях неизвестного грядущего мира: самое рождение первого слова и речи, которая ныне живет в *корне слов*, самый звук *корня слова* есть чудо духовности: соединение духа и плоти природы в одно. Эстетический, логический, религиозный, <логический?> смысл органически слиты с новорожденным младенцем; и этот младенец есть Слово. В *творчестве корня* видим мы эстетическую ценность; <в> корне слова заложена разгадка эстетики слова; поэтическим орудием слова мы считаем метафору: в метафоре осуществляется слияние двух образов в один, не адекватный первым двум: «зеленокудрые леса» есть метафора: здесь не только сравнение двух предметов (зеленых листьев и кудрей в одно¹⁵), и не только в нем приписание¹⁶

¹¹ В рукописи: *явленной*.

¹² В рукописи запятая.

¹³ В рукописи: *Потемни*.

¹⁴ В рукописи: *безобразную глубину*.

¹⁵ Подразумевается *слияние* (а не *сравнение*).

¹⁶ Так.

листьям свойств кудрей,¹⁷ но и новое утверждение: *кудри-листья*; *кудри-листья* рисуют нам в дереве существо жизни дерева; дерево стоит перед нами не деревом, а *дриадой*. Всякая метафора содержит в себе потенцию *мифа*¹⁸. Метафора есть создание мифологии; корни слов<;> в чистом звуке слов, перекидывающем мост от предмета природы к переживанию моего духа<,> есть все атрибуты метафоры; всякая метафора есть соединение корней с образом, предполагающим¹⁹ осуществление более внутреннего соединения *природы* и *духа* уже прежде бывшим в наличности *корня*; *корень слова* <—> осуществление природы и духа; он — *смысл в себе*.

В грамматике и эстетике слова впоследствии выражает себя жизнь *корня слова* <—> этой метафоры всех *метафор* и *мифа мифов*; в грамматике выражен после формально принципом строения слов; а в эстетике вскрыто после реальное выражение принципа; в творчестве слова, в корне слова грамматика и эстетика (Слово-Логос — и слово-плоть суть единство).

В самом явлении *слова* имеем мы явление магии и всех позднейших магизмов (слово, как реальное заклинание стихий; заговор; именование); в слове-корне уже лежит *логический смысл*: начало познания в *именовании*, создать *имя рек* из двух половинок действительности: хаоса обставшей природы и хаоса ураганов безобразной жизни духа в *нас*. Соединение эстетич<еской>, логическ<ой> и магической значимости звука слова в нас придает рождению слова в нас религиозный смысл.

Все три стихии Слова²⁰ (*слово-именование*, *слово-заговор*, *слово-творчество* новой действительности) существуют впоследствии в трех смыслах слова: *слово-заговор* продолжает жить в *научной* номенклатуре понятий, смысл которых в *техническом приложении* к опыту: слова *атом*, *энергия*, *энтропия* не имеют значения вне колбы, вне очага и вне холодильника; тем не менее: мы придаем им мировоззрительный, объяснительный смысл; произнесли слово «*атом*», и тотчас же *магически* объяснили смысл *вселенной*.

Слово — творчество новой действительности — слово живое, кон-

¹⁷ В рукописи точка с запятой.

¹⁸ В рукописи фраза помечена косым крестом.

¹⁹ В рукописи: *предполагающей*.

²⁰ В рукописи двоеточие перед списком (хоть он и взят в скобки).

кретное, образное, продолжает жить в нас *метафорой*,²¹ мифический смысл которой забыт нами.

Слово собственно – *Слово-слов*, соединяющее *плоть слов* нашей речи и их термины[; оно] есть *Логос логики*.

Смысл Логический, смысл живой, здравый смысл<,> в нашем *слове* разъяты: в смешениях со смыслами поэтическими и логическими в невнятице стертой речи возникает весь ужас *произнесения мнений*: и торчит непроцветшим жезлом Арона – палка обыденных тенденций; и мышление – палочные удары.

Грамматика и логика. Развитие логики

Аналитика суждений, понятие – чувственный материал, схема – образ; в схеме становление<,> кипение образа, круговращение смысла. Но атом сужденья²²; как субъект, так и предикат<,> распадается в себе самом в суждение *suī generis*: в нем есть начало *звуковое*, материя звуков, имеющее свой звуковой *смысл* – природа слова, и в нем есть начало<,> единящее звуки в единство: звуковой смысл; не соединение звука слова с единством<,> т. е. ни форма, ни содержание, а *внутренняя форма* или внешнее содержание есть *корень*, изменяющийся <динамически?> и прорастающий ветвями и цветами окончаний и приставок; законы строения суждения предопределены законами формы строения корня.

Спор грамматистов и логистов (гносеология и Фриц Маутнер, Вундт)

В споре грамматиков с гносеологами правы гносеологи, ибо грамматика есть абстракция эстетики слова, смысл которой в том, что эстетическое каждого слова есть *миф*. Слово<->*миф* – первой слова <->*термина* и первее *грамматики*, в которой слова берутся, как остывшие предметы лавы творчества звуков.

Логос логики (логический смысл) обусловлен Логосом, соединяющем в себе смысл логический и звуковой в смысл мифически-религиозный. Соединение это антиномию между грамматикой и логикой превращает в антиномию «*поэтика-этика*».

²¹ В рукописи точка с запятой.

²² Подразумевается, что слово – атом сужденья.

Поэтика и этика Слова

Первичное возникновение слова соединяет в нем несознанность стихий духа в человеке с несознанностью стихий природы извне: слово есть выражение оформления двух бессознательных состояний сознания, данных как *природа* и *дух* и соединенных в *духовную природу*: *Слово-Корень* выявляет уже закон *жизни духа в природе*. *Метафора*, *миф* суть выражения реального закона моего духовно-природного бытия: произвольное *творчество* и вмененный *закон*. *Эстетизм* и *мораль* соединяются в необходимости мне пересоздать свою жизнь – в духовную природу: мораль абстрактная не покрывает многообразие этих конкретных <законов?>, если она не фантастична; наоборот самая фантазия должна стать моральной *фантазией*.

Слово природы<,> «звук слова»<,> выглядит для абстрактного закона каким-то лесным богом «*Паном*». Оно внушает ужас произволом сочетаний: футуризм языка терминологу внушает «*панический ужас*», наоборот закон-Логос для природного Слова пребывает в небытии, раз абстрактное *Слово-закон* самую необходимость облекать логический смысл в *звуки слов* рассматривает как искажение смысла. «*Ужасом небытия*» веет от логического, законного смысла для слова-образа.

Смысл *логический* и *панический* друг от друга герметически закупорены.

В соединении Слова-Закона со Словом Жизни (с *Паном*) смысл Слова – он в Логосе.

Что есть Слово<,> выразимо лишь в мифе. Этот миф по отношению к иным мифам есть *миф мифов*; в то время, как иные мифы – произрастанье метафор,²³ в этом мифе видим мы религиозную символику тех *тайных действий*, которые протекают внутри *корня слова*. Этот миф есть свет *корня* слова: просвещает он нам самый *звук* *корневой*.

Характерно: в древних аркадских культах родоначальником слова является *Гермес*, сын *Зевса* (Разума) и *Маи* (Природы): *Гермес* в этом смысле есть слово; словесность – герметический культ; в нем – зиждительная сила²⁴ природы, одухотворенье *природы*, и вместе

²³ В рукописи точка с запятой.

²⁴ Исправлено: *зиждительность* *силы*.

осознание духа; Гермес-Слово – даровал человеку искусство слагать слова; дар объяснения *hermeneuein* получило название от Гермеса; впоследствии с распространением культа гермесовых слов из Аркадии по всей Греции – он становится Гермес-Логос: дарователь Речи-ума; первоначально он Козловидный Пан, то есть – Слово логически-внесмысленное, футуристическое – звукосочетание – *внушающее панический ужас* нам, – Козловидный Пан – Сын Гермеса; культ Гермеса переходит в Египет; где Гермес-Слово – возвышается до вселенского смысла<:> Слово-Логос<,> устрояющее природу, стихии из Панического Хаоса в Космос. Здесь Гермес – Слово-речи – становится Гермес-Logios-Космос<,> то есть триединым принципом: в Гермесе-Логосе соединяется Nus (абстракция логики) с Космосом всей природы: Слово – становится плотью. Метафорическая абстракция мифа рождает нам грандиозную философию Логоса, одновременно и философию Логики и философию Слова собственно, философию²⁵ Логики-Слова, стоящую перед нами в своем грандиознейшем виде и тысячевидно ветвящуюся²⁶; продолжение культа природного Слова (прародитель направления *грамматистов* Вундта и Маутнера) – здесь в Египте осуществляет себя в низшем герметизме, где Гермесом словесности является Тот-Луна: владыко «Словес»; герметизм этот ведет к заклинанию при помощи Слова, к магической номенклатуре (прообразу позднейшей науки с ее культом Слова, как технического орудия); здесь образуется химия. Характерно же: по Зеллинскому слово *химия* произошло от искусства<,> культивируемого родом египтян<,> «*Chema*», а этот род произошел от смешения людей с ангелами; здесь корень алхимии – в *алхимии слова*; алхимия слов – не смешение именованний, а слияние именованний; метафора, предикат слияния имен, есть элексир жизни. Эстетизм, культ вне<->логичного, поэтического слова <-> отображение в наши дни низшего египетского герметизма, а абстрактный логизм – отображение высшего герметизма, как он выглядит нам в Поймандре.

Так борьба в наши дни слова-термина со словом-образом в мифологии Слова-собственно есть образ борьбы Слова-Логоса с Козловидным Паном (природного, животного слова).

Эстетизм и логизм (т. е. звук слова и смысл слова) примиряемы в наши дни, если мы углубим в себе до безмирности звуковую значи-

²⁵ В рукописи: *философии*.

²⁶ В рукописи: *ветвящейся*.

мость слова и смысл самого термина «логически, логика». Поэтический образ, переложенный в корень образа, в безобразную глубину самой образности<,> расцветится нам смыслом; наоборот<,> отвлеченный логический смысл, очищенный в корне смысла<,> окажется не абстрактно-рассудочным, а разумно-конкретным; в соединении в Разуме начала поэзии с логикой чаемое расцветенье Жезла Аарона; расцветание слова пустого в Живое, цветущее.

Поэт и слово

Возьмем поэтическое произведение. В нем в метафорической форме нас встретит какая-либо мысль<,> облеченная листвою метафор, эпитетов, окрашенных звучностями языка в соединении пере звона *корней* звуков слов. Что есть оно? Что есть поэтическая речь? Первоначально мы думаем, что мы ее знаем. При ближайшем же углублении <в> существо поэтической речи <она> нам покажется непонятной, ненужной почти. Задаются ли люди вопросом, для чего нам поэзия<?> Преобладающее мнение любого большинства будет нам в пользу поэзии. И это – недоразумение, потому что представление о слове, об образе, о смысле слов, о логическом и поэтическом смысле находится в вопиющем противоречии с наличием поэтических форм: 1) одни нам заметят, что поэзия нам нужна, потому что в ней в образно-поэтической форме изображены идеи и мысли; другие нам скажут, что самая возможность превратить здесь мысль в образ и смысл в звуки *слов* есть центр поэзии; по одним<,> в поэзии есть орудия идеологии, а по другим<,> самая идеология превращается здесь в средство вызывать в нас ряд внемысленных душевных эмоций; по одним<,> «*метафора*» есть приманка идеи для людей<,> вне этой приманки не идущих на «*зов идеи*», а по другим<,> самое облечение мира метафор в идеи есть приманка вне идейных глубин стихийных сил жизни в идеи; по одним<,> собственно поэтический мир стихий, не поверхность воды, а зеркала, по которому мы свободно можем ходить нашей логикой: поэзия – зеркало<,> наиконкретнейшим образом отражающее идеи; по другим<,> поэзия – стихийная бездна, в которую мы погружаемся, а мысли ее суть отблески солнца и звезд, прикрашивающие извне эту бездну, привлекающие нас безопасностью. По одним<,> поэзия – рационалистична, абстрактна насквозь; по другим – безымянна, внесмысленна, неизреченна.

Проведение этих взглядов на «Слово» в поэзии до их крайнего результата уничтожает в корне нам смысл самого поэтического бытия.

Правда ли, что в поэзии отображается философский смысл, что в ней выражен он конкретно, т. е. проведен в деталях, соединен с жизнью?²⁷ Но попробуйте глубочайшее философское стихотворение выявить в философском²⁸ виде: обнаженное от метафор, сравнений и звучности<,> оно станет бедным и жалким; вся философская глубина поэзии будет иллюзией маскарада абстрактных мыслей под флером поэтической формы; и<, > считая эту форму риторикой, мы не сможем признать, что абстрактные мысли поэзии от философии отстают; например<, > в ней, в поэзии<, > будут высказаны какие-нибудь натурфилософские мысли, но философия наших дней до такой степени выглядит углубленной любой натурфилософии, что самый мировоззрительный смысл в философии этой есть досаднейший пережиток; философия современности центр философских проблем перенесла от мировоззрения к анализу атома, мировоззрение строящего: к аналитике неуловимых логических движений<, > происходящих внутри суждения; в философии вскрыто ее внутренне-логическое начало, и бедной поэзии не угнаться²⁹ за философией. Современный поэт, если смысл поэзии в мысли, должен бы был нам описывать длинные поэмы на тему:³⁰ жизнь есть

Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок.

Поэзии, выражающей современную философскую мысль, нет, не может быть; и появившись поэзии философии Ласка, Козна и Риккерта, — от поэзии этой в ужасе отшатнулись бы приверженцы взгляда на то, что поэзия в конкретной форме живописует нам мысли.

Наоборот: если смысл ее в звучности красивого слова, если она³¹ есть жизнь образов и кипенье фантастики, то поэзия глубочайшим образом не соответствует самой сущности имажинативной жизни в нас, потому что любая школа мистического опыта, сосредоточивающая

²⁷ В рукописи точка.

²⁸ В рукописи: *философской*.

²⁹ В рукописи: *угоняться*.

³⁰ В рукописи запятая.

³¹ После «она» зачеркнуто: — *перебой*.

свое внимание на развитии в нас внутренних переживаний, опережает в фантазии все стоящее перед нами, как образ фантазии в мировой, поэтической литературе: культ *фантазии* в поэте есть сентиментализм, дилетантизм; центр кипения образов в нас, и законы метафор жизни образов открывают внутри нас горизонты фантазии, не могущие вместиться ни в поэтической форме, ни в поэтической мысли. Если поэзия выражает некий внутренний образ души, то поэт есть молчальник, мистик и старец: но и мистик, и старец нам выскажут: образования внутренней жизни неизреченны для слова.

Остается нам думать: смысл слова поэта – в звуковом значении слова, в звуке слова, метафор, в ритмических модуляциях, в аллитерациях, в ассонансах: но звуковая значимость *Музы* соединяется обычно у нас с отрицанием логической значимости; поэзия – внеразумна, внемысленна; она – в сочетаниях слов, в темном хаосе стихийности слова: в стихиях; этой темной природою слова, стихиею слова, является³² звук: громкий³³ звук противопоставляет себя *голой мысленной* схеме, как козловидный Пан рассуждающему Сократу. В борьбе *эстетизма* и *тенденциозности* во взгляде на слово поэта осуществляется в другой форме по существу уже разобранный спор: *грамматистов* и *логиков*³⁴. В *голой*³⁵ мысли и *звукоподражании* по существу нам разломан некогда сложенный *Аполлонов* мир; трещина, образовавшаяся между ними – глубочайшая трещина; поэзия в крайностях противоположных тенденций навеки разломана: *слово поэта* в былом смысле слова разломано пополам: между *криком* и *эсперанто*, *футуризмом* и *логикой*, *корнем* и *термином*.

Прав на существование у поэзии *собственно* нет: она не нужна одинаково: футуристу, ученому и философии, потому что образный смысл ее ныне утерян; и поэтоу ценителям поэтической речи одинаково чужд некогда конкретный в поэзии разум: для одного поэтичен³⁶ *термин* и *образ поэзии* для него аллегория термина; для друго-

³² В рукописи: *есть*.

³³ Вместо «громкий» сначала было написано: *чистый*.

³⁴ После «и» зачеркнуто: *гносеоло*.

³⁵ В рукописи: *голом* (после него зачеркнуто: *слове*).

³⁶ В рукописи: *поэтические*.

го жив только звук слова<->образа и не жив самый образ; поэзия для него аллегория, стыдливо наброшенная на темной бездне кликушества, сбрасывающего докучный покров и выступающей безпокровно козлом крайнего футуризма.

Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред Солнцем бессмертным ума.
Да здравствует Солнце, да скроется тьма.

Выражение конкретного Слова-Логоса поэзии Пушкина окажется одинаково чуждым философу и поэту.

Что в поэзии должно нас встретить реальное соединение *звука слов со смыслом слов* в конкретно-разумной осмысленности, этот взгляд – пережиток для футуриста и логика; логику следует углубить представленье о Логосе до представленье о Логосе (Имя рек), футуристу следует углубить свое представление о *звуке слова* до подлинных глубин корня *звука*, растущего из *духовного опыта*, где этот корень есть внутренне произносимое имя, чтобы и логик и футурист встретились в новом взгляде на сущность поэзии, которая есть *молитва* живому, бессмертному божеству.

Да здравствует Солнце! Да скроется тьма.

Поэзия есть рожденное Слово из внутренней музыки. Между нашими представленьями о том, что есть слово и подлинными <-> лежит бездна. Слово нашего представленье о слове не родилось еще: а остатки умершего разбитого ветхого слова стоят перед нами, как бессмысленный *выкрик звука* и как абстракция мысли, понятие, которое ныне уже не может лечь в основу подлинно логических представлений; на поверхности разбитой речи плавают перед нами осколки корней, криков и мертвенных терминов на безличных волнах *ходячего*, пошлого слова: и над всем *музыка* неизреченного: то<,> о чем поет музыка<,> не изобразимо словами; изобразимо разве лишь жестами; в жестикуляции, в немой гамме жестов, в аккомпанементе и в интонации складывается *мимика* еще не рожденного *смысла слов* в смыслах *стертых* понятий и в звуковой немоте что-то тупо гласящего корня; но за жестами музыки и мимикой ее подымается в нас внутренне-встающее слово: и нам нужно пробиться к этому зачатию³⁷ смысла слова внутри нас: не слово во мне, а я – в *Слове*: не я, а *Слово* во мне, – вот что должно понять нам.

³⁷ В рукописи: *зачатию* (?)

Между ветхими остатками слов ныне разбитой поэзии и рождением в нас *Слова смыслов* <—> музыка, мимика, долженствующая нам пресуществить бранный смысл, чтобы Разум слова нам не казался ущербным, а подлинно солнечным.

Да здравствует Солнце! Да скроется тьма!

Проращение обычного корневого и абстрактного смысла иным *третьим смыслом поэзии собственно*, убивающим ее, как поэзию только<, > и воскрешающим ее, и *инспирация* Логоса ощутима для нас и извне, если мы погрузимся в анализ звукового состава поэзии, в аккомпанемент *звуков* <—> *мыслям*. Собственно темная корневая стихия поэзии при погружении в нее нам не выглядит уже темной; и граница между неизреченным элементом поэзии и изрекаемым <—> передвигается воистину; в настоящее время жизнь звуков и ритмов вскрывается нам в своих стройных законах. И мы видим, что *алогическое* начало поэзии обнаруживает *suī generis* свою третью логику, аккомпанируя звуком слова, ритмом слов, цветом слов беззвучную и бесцветную жизнь переживаний и идей у поэта; и в этой *логике*, *третьей логике*, пока еще уловимой, как музыка – прорезается нам новый смысл звуков слов, их разумная солнечность: нет<, > не крик и не звуковые наборы являет нам инструментовка поэзии, а *речь*, начинающую быть внятной, нам внятно гласящей; к темному языку музыкальной стихии должны обратить слово Пушкина мы: не футуристическая невнятица в «*нутре*» у поэта, а могущий быть рожденным³⁸ младенец:

Парок бабье лепетанье,

Жизни мышья суетня.

Я понять тебя хочу.

Темный твой язык учу.

Гласит тайновидец наш Пушкин:

И ложная мудрость мерцает и тлеет

Пред Солнцем бессмертным ума.

Футуристическая невнятица – преждевременный, мертвый выкидыш; внутренне – в нас гласящее Слово-Образ-Гермес-Logios-Космос с нами.

Мертвый жезл словесности прорастает, как Жезл Аарона.

³⁸ В рукописи: *рожденный*.

Слово-Логос вскрывали пред нами доселе главным образом философы, филологи словесности³⁹; в логике философии, в языкознании, в теории и истории словесности перед нами многообразные вскрытия и теории слова: но Слово-Логос в истории философии высохло в трансцендентальную логику, в аналитику понятий, суждений, умозаключений, нас приведших к методологии и номенклатуре понятий, в номенклатуре и термине высохло древо слова в абстрактную и сухо бьющую жердь; внутренне корневое значение слова под логикой скрылось в глухие недра животного подсознания; и философ нам зачастую являлся сократиком и софистом с высохшим дневным<,> трезвым мышленьем<,> не могущим вскрыть свои собственные природные корни.

Такое обращение⁴⁰ с Логосом привело к мысли о невозможности сочетать слово с жизнью: *сочетание* для него есть смешительство противоестественных элементов; а его поэзия <--> поэзия *сатиризма*. Но абстракция слов есть абстракция видимых сторон слова; корни слов для него подсознательны, как слепая для него вся природа (между прочим<,> и природа его); преобладание рассудочности в дневной жизни философа сочетается с преобладанием животной природы в его подсознательной стихии; нам абстрактный философ является днем в виде старого логика, читающего студентам схоластику, вечером хохочущим над *Раблэ* и ночью гоняющимся в своих снах за какой-либо нимфой рубенсовской комплекции; нижняя часть туловища такого философа – козловидна; козловидная природа рассудка есть корень абстракции. Отношение к слову поэзии рассудочной философии – отношение старого холостяка к проститутке; он пользуется временными ласками⁴¹ слова и отказывается от законного брака с ним, потому что брак заключает он с *чистою* логикой, не изобразимой в словах.

Наоборот филолог представляется нам огородником, культивирующим корни слов, превращаемых им в грамматические редиски, морковки: *редиска* есть *radix*⁴²; но<,> питаясь словом<,> зарывается он в подсознание; оттого-то смысл его слова не процветает идеями: фило-

³⁹ Так.

⁴⁰ Вместо «обращения» было: *такой метод отношения*.

⁴¹ Вместо «ласками» было: *услугами*.

⁴² Лат. «корень».

лог – поэт звука слов; его отношение к логике <таково>, каково отношение философа к слову: позволяет себе он явные похождения со смыслом; пусть⁴³ в сознании – он козел, его нижняя часть – добродетельна по отношению к слову. Он вступает с ним <в> брак и отдается деторождению без уразумения внятного смысла такого словесного производства; в философии же слова – он червь, не видящий великолепной кроны древесного прорастания корней смыслами; философия его <-> философия жизни корней, а не смыслов. Бытийственность слова, слепая, глухая<,> преобладает в нем над солнечным Логосом; филология – геология слова; философия – метеорология слова. Философ есть холостяк, имеющий со словом роман. Филолог – есть семьянин, но лишенный всяких общественных интересов; у него интересы – семейные.

Наконец остается нам третий тип измерителя слова: это – словесник; в теории словесности ему приходится делать жалкие заемы у филологии, в истории слова заемы у идеолога; словесник, не проникая в жизнь логики, не проникает в жизнь *корней слова*; уподобляется он существу<,> проживающему на чужих квартирах: у философского холостяка и у филологического семьянина; перекочевывая от одного к другому<,> уподобляется он переносителю *сплетен и слухов о слове*; очень часто он есть распространитель ходячего, пошлого слова, где одинаково стерты и Логос-жизнь, и Логос-Смысл, во имя здравого и якобы трезвого смысла в противоположность образному и чисто абстрактному; немножечко образной теплоты, немножечко логики – вот лозунги обычного словесника наших дней; *здравый смысл* и все ущербности разума его порождения; но они только сплетни; *корнево-му, живому*, подземно-стихийному слову он нашептывает сплетни о логической жизни смысла; и у этого *слова* поднимается бунт против ущербности разума; наоборот: в терминологию он вшепнул свои басни о разнuzданной, деторождающей жизни корней живых слов, будто бы слепых и невнятных: обыкновенный словесник поссорил нам слово-кристалл со словом<->«живою водою», разделил философа и филолога и на этой ссоре установил свой пустой<,> ничего не значащий пучок: обычного пошлого слова.

Все теории слова: словесность, грамматика, логика не удовлетворяют нас по отношению к собственно Слову; и за крахом философских абстракций о слове, за крахом филологических недавних теорий

⁴³ Перед «пусть» зачеркнуто: *его верхняя часть*.

последовал крах словесности; мы живем в период кризиса всех недавних представлений о Слове-Логосе: филологического, философского и словесного.

<В> философии совершается углубление представлений о мире логическом, в филологии ныне есть море неопisanного материала; а словесность есть просто фикция приживальщика⁴⁴<, > одновременно прогнанного философом и филологом.

В соединении философии, филологии и словесности *по-иному* должны мы искать и иных методов уразумения⁴⁵ мифологии слова.

⁴⁴ Перед «приживальщика» зачеркнуто: *выгнанного*.

⁴⁵ После «уразумения» зачеркнуто: *поэтическим*.